

Соня?» (6, 318); «Будешь ко мне в острог ходить, когда я буду сидеть?» (6, 323), а сам тем временем ищет другой, менее стыдный и сокрушительный для самолюбия вариант *исхода* в Свидригайлове. Эту слабость очень хорошо чувствует умнейший Порфирий Петрович, потому-то при последнем свидании, перед окончательным разоблачением, щедро расточает преступнику комплименты, называя его «страшным бойцом» (6, 346), способным «с улыбкой смотреть на мучителей», хоть они ему кишки вырезай (6, 351), и попутно признаваясь-проговариваясь — «а что же, может быть, и в самом деле подольщаюсь» (6, 352), и прося, в случае самоубийства, оставить «записочку» — «так, две строчки, две только строчечки, и об камне упомяните: благороднее будет-с» (6, 353). Он видит Раскольникова насквозь, понимает, каково этому самолюбцу-эгоцентрику осознать, что *не Наполеоном* оказался, и не только изобличает, но и помогает собраться с силами, вооружиться мужеством для предстоящих испытаний. В момент, когда обвинительные слова произнесены, перед нами не *боец* и не теоретик-новатор, а жалкий, перепуганный, глубоко несчастный человек с дрожащей «губкой» и беспомощным лепетом: «Это не я убил, — прошептал было Раскольников, точно испуганные маленькие дети, когда их захватывают на месте преступления» (6, 349).

Впоследствии Раскольников, между прочим, не откажется от помощи Порфирия, от поблажек, которые тот ему обеспечит сокрытием улики и оформлением явки с повинной. А по дороге в полицейскую контору он еще помучает мать и сестру, и запросит от Дуни подтверждения, что не от слабости, а от силы с собой не покончил, и еще погордится собой — «ему точно приятно стало, что он еще горд» (6, 399), и за Сониными *крестами* придет, и сила Сониного страха за него и ее отчаяние при виде его попытки избежать неизбежное заставят его вернуться в контору и выдавить наконец из себя признание. Собственная его ирония по поводу *обыкновенных* людей, которые, покусившись, «сами себя посекут», «покаяния разные публичные при сем на себя налагают» (6, 202), как выяснилось, в него же самого и метила. Случай Раскольникова наглядно показывает: покаяние, так же как и суд, приговор, не означает раскаяния. Жест, который призывает сделать Соня: «Поди сейчас же, сию минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: „Я убил!“ Тогда бог опять тебе жизни пошлет» (6, 322), — остается всего лишь жестом, таким же, как явка с повинной, которая тоже означает «я убил», но не означает глубинного, внутри себя, осознания и переживания совершенного преступления. Прав Д. Мережковский: в случае Раскольникова «есть покаяние, нет раскаяния».⁴⁵

В финале, который может показаться прозрением героя, на самом деле никакого осознания, пересмотра не происходит, а происходит спонтанное, бессознательное замещение одной ставшей ненужной и неприменимой идеи — другой, кажущейся спасительной. «Мало опровергнуть прекрасную идею, надо заменить ее равносильным прекрасным» (13, 47), — говорит Подросток, и именно так, через замену одного подчиняющего начала равносильным другим, преобразуется Раскольников. Все происходит бессознательно, под влиянием неких *знаков-толчков*. С одной стороны, это то самое, о чем говорил Порфирий Петрович, когда советовал отдаться жизни, не умствуя, не рассуждая, довериться ей, — и она сама на берег вынесет, однако, с другой стороны, это очевидная капитуляция, сдача позиций — не теории,

⁴⁵ Мережковский Д. С. Указ. соч. С. 202.